

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81 63

Вырезка из газеты ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА.

18 ОКТ 1986

г. Москва

Из блокнота театрала

Павел Николаевич Орленев, заслуживший звание народного артиста РСФСР, едва ли не всю свою жизнь оставался актером — гастролером. Он объехал многие города нашей страны, выступал на сценах Германии, Англии, Америки, Норвегии, Швеции. В литературе можно встретить утверждение, что он принес в театр новое амплуа — человека с надломленной душой. Подобная версия довольно прочно укрепила за ним. Может быть, потому что в его репертуаре были царь Федор Иоаннович, Раскольников, Дмитрий Карамазов, ибсеновские Освальд, Бранд и другие подобные роли.

Если говорить об Освальде («Привидения» Г. Ибсена), то в дореволюционной России не было, пожалуй, артиста, который мог соперничать с Орленевым в этой роли.

В 1906 году, когда Павел Николаевич оказался на родине Ибсена, в Норвегии, у него возникло страстное желание выступить в «Привидениях»:

— Я хочу сыграть здесь Освальда!

Это была его давно выношенная и много раз сыгранная роль у себя на родине. Но на этот раз слишком дерзким было намерение, чтобы принять его всерьез. Начать хотя бы с того, что Орленев не знал языка и как представлял себе играть на русском языке в норвежской пьесе на сцене Национального театра — трудно было представить. Но в глазах артиста горел не каприз, нет, вдохновенный огонь!

В то время в Национальном театре блистала Иоганна Реймерс. Норвежцы ей поклонялись и считали своей Элеонорой Дузе. Она была лучшей исполнительницей фру Альвинг, матери Освальда. Когда знаменитая актриса узнала о намерении Орленева, то отнеслась к этому довольно иронично, но со свойственной ей деликатностью, согласилась на встречу с ним.

ПРИЗНАНИЕ

Была здесь большая доля простого любопытства взглянуть на смельчака, который отважился посягнуть на гордость норвежцев — Национальный театр, свято чтивший Ибсена как свое культурное достояние. Главное же — в ней взяла верх профессиональная решимость.

Не сразу удалось Иоганне Реймерс найти контакт с русским артистом. На репетициях оба доходили до нервного напряжения, впадали в отчаяние. Был даже момент, когда актриса воскликнула:

— Я не могу больше! Я не хочу играть!

Орленев схватился за карман и, путая французские слова с русскими, воскликнул:

— Тогда я застрелюсь! Тут... на сцене... на ваших глазах!

Реймерс ощущала его страстность, наконец, великое мастерство, которое она не могла не оценить, и сдалась. Репетиции продолжались.

Накануне спектакля рецензенты потирали руки от предстоящего удовольствия увидеть настоящий скандал. Как же! До них доходили слухи о размолвках и, более того, сценической несовместимости партнеров. «Ну и разделаем мы этого Орленева! — не скрывали они своих намерений. — Как он осмеливается играть Освальда? Он такой шумный, буйный, и ничего норвежского в нем нет».

Но скандал не состоялся. Беспристрастный очевидец, известный русский актер Александр Мгебров, оставил живое свидетельство. На сцену медленно вышел Освальд — Орленев — спокойный, сосредоточенный — настоящий норвежский юноша с поразительно страдающим лицом. Игра Орленева заколдовала: четкая дикция, скупой жест, убеждающая мимика, сила чувства делали

понятным смысл чужих слов, чужого языка. И публика, ожидавшая «скандального провала дерзкого смельчака», постепенно оттаивала. Когда кончился спектакль, сдержанные в выражении своих чувств норвежцы обрушили шквал восторженных аплодисментов, каких никогда не слышал этот театр. То был триумф!

На другой день, вопреки всяким толкам, газеты напечатали статьи, и все они были единодушны, что русский Орленев «приблизился к пониманию норвежской души и постиг тайну ибсеновского Освальда».

Эта история имела свое продолжение. В гостиницу к артисту пришли представители дирекции Национального театра, чтобы вручить ему за выступление две тысячи крон. То была большая сумма и для гастролера много значила.

Павел Николаевич держал в руках увесистый пакет. Глаза его светились радостным блеском. Он испытывал гордость от сознания не просто удачно сыгранной роли, а от того, что заслужил признание публики и прессы. И это на чужбине он, русский актер, поднялся к вершине национального искусства другого народа.

Неожиданно, к всеобщему изумлению, Павел Николаевич протянул пакет одному из членов дирекции.

— Пусть эти деньги, — сказал Орленев спокойно и с выдержкой, достойной истинного норвежца, — будут даром русского артиста могиле недавно умершего Ибсена. Я буду счастлив вплести хотя бы один лавровый лист в венок великого драматурга...

Было начало лета 1906 года. Орленев спешил домой, в Россию.

Дмитрий БРУДНЫЙ.